

Т. А. АБРОСИМОВА

1917 ГОД. ОЖИДАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Февральская революция произошла стихийно, «без революционеров» и с ошеломляющей быстротой. В течение 8 дней, оказавшийся в полной изоляции, царский режим рухнул. Даже верхи русской православной церкви отвернулись от своего главы, встав на сторону Временного правительства. Да и армия, включая генералитет, отказалась от главнокомандующего.

К моменту революции авторитет власти настолько упал, что народ видел в государственной власти преимущественно отрицательную величину, которую уже нельзя реформировать, а можно только насильственно разрушить. Значительная часть рабочих и интеллигенции, желая ликвидации самодержавия, боялась «улицы» и это заставляло их занимать выжидательную позицию. Восстание не планировали. «События возникли, писал А. Г. Шляпников, — вне плановой предусмотрительности... . Ни по своему характеру, ни по классовым силам Февральская революция не была и не могла быть организованной и вызванной»¹.

Среди причин, обусловивших столь стремительное развитие революции, нужно указать на высокое напряжение, которое существовало в стране. Страну начало лихорадить еще в начале XX века. После революции 1905–1907 гг., не решившей стоявших перед ней задач, новая революция стала лишь вопросом времени. Безусловно, ход событий ускорила война. Достаточно было искры, чтобы взрыв произошел.

С победой Февральской революции, казалось, проблем станет меньше, произойдут демократические преобразования. Создавалось ощущение, что «мартовские настроения» захватили всех без исключения. Все были заражены эйфорией праздника. Ждали «чуда истории». Задачи, которые предстояло решить, были сформулированы в лозунгах, с которыми толпы людей выходили на улицы: необходимость созыва Учредительного собрания, выход из войны и заключение мира без аннексий и контрибуций, передача земли крестьянам и т.д. Люди верили и надеялись, что с победой революции неизбежны кардинальные изменения к лучшему не только в экономической, но и в духовной, нравственной сферах жизнедеятельности общества. Так, прохо-

---

¹ РГАСПИ. Ф. 304 (Шляпников А.Г.). Оп. 1. Д. 7. Л. 6.

дивший в апреле 1917 года первый съезд физиологов с удовлетворением отмечал, что он проводится «в свободной теперь России»².

Безусловно, не все приветствовали революцию. «Большинство моих товарищей, ... как и я сам, далеко не были в восторге от революции, – вспоминал кадет В. А. Оболенский, – хорошего мы от нее не ждали, а потому с первого же дня стали, в известном смысле, контрреволюционерами, всячески старались препятствовать «углублению революции»³. Но со стихией революции уже справиться было невозможно. Ликованию не было предела. Девушки рвали свои красные блузки (красный материал и бумага с прилавков исчезали мгновенно) и делали из них «символы революции»⁴. Во всех частях города проходили различные митинги. Массы были полны энтузиазма. Еще вчера бесправные, а сегодня освободившиеся от тирании старого режима, получившие демократические свободы, они удовлетворяли свою потребность в политическом общении, упиваясь шумными фразами. Жили надеждой на обновление мира, ожидая общественное состояние разрешающее все людские проблемы и устанавливающего жизнь изобильную и справедливую. Народ, вовлеченный в политику, но политически неискушенный, не затруднял себя анализом позиций того или иного оратора. «Все хорошо говорили – вспоминал рабочий завода Айваз – все, в сущности, много обещали»⁵. Большинство считало, что если выступает оратор против царя, значит, его и надо поддерживать.

Интеллигенция не оставалась в стороне. К примеру, часть вузовских преподавателей охотно откликнулись на призыв Временного правительства идти «в народ»⁶. Преподаватели вели просветительскую работу среди населения, лишенного возможности получить высшее образование. Не все разделяли точку зрения о том, что нужно читать публичные лекции и отдавать приоритет общеполитическим задачам. Более того, порой профессоров раздражала бесцеремонность, с которой улица врывается в университет, пытаются сорвать занятия⁷. На фоне общего ликования стала просматриваться тенденция безнаказанности и вседозволенности. Происходящее скорее предопределяло не демократический, а охлократический путь развития общества.

² См.: Русский физиологический журнал. 1917. № 1. С. 7

³ Коллекция ГАРФ. Оболенский В.А. Моя жизнь и мои современники. Т. 2, рукопись.

⁴ Биржевые ведомости. 1917. 10 марта

⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 159. Л. 23.

⁶ Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 6. С. 126.

⁷ СПб ФАРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 168. Л. 31 об.

Просматривая разной направленности газеты тех дней, обнаруживаешь, что информация в них не о забастовках, а о происходящих бытовых бесчинствах. Еще больше негативной информации встречаешь в воспоминаниях рабочих. Работница Октябрьской фабрики Боканова вспоминала, как они топили своего хозяина за отказ прибавить зарплату: «Мы его вывезли на тачке к Невке у Гренадерского моста, но в последний момент пожалели и спасли»⁸.

В те дни было очень много противоречивого. Общество самоорганизовывалось. Возродились и вновь возникали массовые организации трудящихся – советы, профсоюзы, фабзавкомы, кооперативные, женские, молодежные и другие самоуправляемые объединения.

Власть не оказывала и не могла оказывать никакого влияния на эти организации. Временное правительство было занято вопросами создания системы выборов в Учредительное собрание, реформированием в различных областях жизнедеятельности, разработкой законопроектов и т.д., пребывая в собственном мире далеком от нужд и потребностей основной части общества. Оно видело в этом свою основную задачу. Вся эта законотворческая работа «на будущее» народу была безразлична. Массы ждали от Временного правительства быстрых действий, с помощью которых их нужды будут удовлетворены.

Проводить политику полностью соответствующую воле народа невозможно. Разброс интересов разных групп столь велик, что принять решение, которое устраивало бы всех или хотя бы большинство, нереально. Но считаться с мнением народа и проявлять готовность и желание помочь людям власть должна. Люди, пришедшие к власти в феврале 1917 года, были полностью лишены государственного инстинкта. Они возложили надежды на то, что все само собой отрегулируется. Власть либералов демонстрировала основной принцип либерализма, который можно передать французской формулой «laissez – faire», что по-русски звучит как «пусть идет как идет».

В результате очень скоро, как отмечал И. В. Наживин, «облака фантастического мира рассеялись, – угар начал проходить»⁹. «Теперь всякий честный человек, – отмечала в дневнике Е. Н. Сайн-Виттенштейн 19 июля 1917 года, – и пальца не протянет для спасения этой свободы и этой революции...»¹⁰. Г. А. Князев, делопроизводитель в архиве Морского министерства, с горечью писал в своем дневнике о результате Февральской революции:

⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 74. Л. 24.

⁹ Наживин И. Записки о революции. Вена, 1921. С. 41.

¹⁰ Сайн-Виттенштейн Е. Дневник. 1914–1918 гг. Париж, 1986. С. 88.

«Так хорошо началось... Полгода... и глаза не смотрели бы... Куда бы уехать, уйти... Нет, кажется, больше сил смотреть на происходящее. Боже, как больно сжимается сердце. Невыносимо грустно. Банкротство великого народа»¹¹. Историк и издатель Н. Н. Бородин вспоминал о резком изменении общего настроения: «От радостного и полного надежд, оно перешло в тревожное и у некоторых дальновзорких людей в близкое к отчаянию»¹². Долгожданная свобода превращалась в разнузданность, разрушавшую государственность. Временному правительству «не хватало мужества создать какое-то ядро принудительной власти, заставить себя слушаться».

Общенациональный кризис нарастал. Продолжавшаяся война требовала огромных вложений. Правительство с трудом оплачивало половину необходимых на войну затрат, что фактически означало банкротство государства. Финансовый коллапс привел к всеобщему кризису. Не хватало топлива и металла. Прогрессировал развал транспорта, разрушивший традиционные связи между регионами и отраслями народного хозяйства. Закрывались предприятия, выбрасывая на улицу десятки тысяч безработных. Неудержимо росла инфляция. И эта надвигающаяся катастрофа как бы фокусировалась для широчайших масс населения, прежде всего в резком ухудшении государственного снабжения.

В очередях за хлебом, мясом, молоком, мылом, керосином люди простаивали часами. И хотя карточные нормы были мизерными, они никогда не отоваривались полностью. Продовольственные беспорядки сопровождались разгромом лавок и складов. Периодическая печать изобиловала материалами об углублении кризиса. «Речь» обвиняла правительство в отсутствии политического стержня, «определенной правительственной программы»¹³.

Газета «Утро России» призывала правительство перейти, наконец, от слов к делу¹⁴. Усиливавшееся с каждым днем чувство тревоги никого не покидало. Об этом постоянно сообщала пресса, сама во многом способствовавшая росту апатии, страха и смятения¹⁵. К осени психологическая усталость и нервное напряжение значительно усилились. «Политика как никогда еще раньше бесцеремонно и глубоко вторгалась в частную жизнь отдельных

¹¹ Князев Г. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции, 1915–1922 // Русское прошлое. СПб., 1991. № 2. С. 168.

¹² Страна гибнет сегодня: Воспоминания о Февральской революции 1917. М., 1991. С. 367.

¹³ Речь. 1917. 15 августа.

¹⁴ Утро России. 1917. 18 августа.

¹⁵ Воля народа. 1917. 17 октября.

людей, вдруг потерявших почву из под ног, уверенность в завтрашний день, за жизнь свою и своих близких...»¹⁶. Большинство интеллигенции не могло разобраться в происходящем, а поэтому покорно и пассивно принимало свою судьбу, пытаясь адаптироваться к обстоятельствам. В то же время некоторые ощущали приближение пугающего конца – не лично каждого, а коллективно. И. Г. Эренбург признавался: «Как только будет возможность, уеду, чтоб спасти для себя Россию»¹⁷. Выехать из России уже тогда хотел и В. Ф. Ходасевич. Пытался эмигрировать С. В. Рахманинов: «Хотя бы в Норвегию, Данию, Швецию... Куда-нибудь!»¹⁸. Некоторых удерживал даже от временной эмиграции страх навеки лишиться родных стен, русской земли¹⁹. Но по городам России разъехались многие.

Состояние общества было пропитано осознанием краха и кризиса существующего строя. Приближение нового этапа революции ощущалось во всем. Актриса Александровского театра О. Н. Гильдебрант-Арбенина в своем дневнике писала 17 октября: «Будет, говорят, революция. Господи, сохрани моих близких и всю Россию»²⁰. Резко обозначилась линия социального противостояния. Рабочими интеллигент воспринимался как дармоед. Только революция, считали они, сможет уравнивать рабочего и интеллигента по социальным признакам и не позволит интеллигенту выделяться. Психологическая вражда, агрессивность, особенно со стороны масс, усиливали напряженность и размежевание.

К осени Россия была непоправимо расколота. Компромисс между высшими и низшими слоями общества уже был невозможен.

Не многие из интеллигентов решались в темное время находиться на улице, это было небезопасно, народ питал злобу не только против воображаемого класса «буржуазии», но и конкретно против живых людей, встречаемых на улицах, в трамваях или в поездах железной дороги²¹. В общественном сознании царила атмосфера ненависти и вражды. 19 октября 1917 года академик В. И. Вернадский, отмечал, что «атмосфера тревожная как будто накануне гражданской войны. Никто не хотел идти на уступки»²². «У «нас» и

---

¹⁶ Яфа-Синакевич О. Темная тетрадь за 1917 год // ОР РНБ. Ф. 163. Д. 347. Л. 29.

¹⁷ Звезда. 1996. № 2. С. 195.

¹⁸ Рахманинов С. Письма. М., 1955. С. 482.

¹⁹ Волков О. Век надежд и крушений. М., 1989.

²⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 21–22.

²¹ Колоницкий Б. «Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание» // Анатомия революции. СПб., 1994. С. 196.

²² Страницы биографии В. И. Вернадского. М., 1981. С. 288.

у «них», – писала Е. Н. Сайн-Виттенштейн, – обе стороны желают не понять друг друга, не сойтись, а желают победить. Это приведет к самому большому несчастью, которое может постигнуть страну – к междоусобной войне»²³. Классовые интересы, максималистское сознание вышло на первый план. Забытыми оказались такие общечеловеческие ценности как милосердие, терпимость, нравственность. Особенно это ощущалось со второй половины октября, когда неизбежность столкновений стала очевидной. Большинство интеллигенции, имевшей дефицит политической активности и отличавшейся эклектическим мировоззрением, не могло оказать никакого политического влияния на исход борьбы. Интеллигенция, в основной своей массе, боялась революции, считала курс на социалистическую революцию опасным заблуждением, хранила веру в возможность мирных перемен, в творческую силу компромисса. Народные массы были куда более агрессивны и решительны.

Если раньше тяжелый физический труд, низкая зарплата, лишения вызванные войной рассматривались как неизбежные, то в новых условиях этого никто не хотел терпеть, «кротость и смиренность – подчеркивал Н. А. Бердяев – перешла в свирепость и разъяренность... Народ, живший иррациональными верованиями и покорный иррациональной судьбе вдруг почти помешался на рационализации всей жизни»²⁴. Сформированные потребности не находили удовлетворения. Поэтому массы проявляли готовность к жесточайшему насилию ради приближения ожидаемого (и не наступившего) улучшения положения. Все устали от тяжелейшего экономического кризиса, хаоса и анархии, существующих в стране.

Политика балансирования и лавирования перестала удовлетворять не только радикально настроенные слои населения, но и либерально-консервативную интеллигенцию. К тому же интеллигенцию пугала активизация масс, отождествляемая с анархией. Так в резолюции 1-го съезда врачей отмечалось, что «связь между партийными доктринами и стремлением народных масс породила «острый психоз». Для «ускоренного выхода из аморфного беспомощного состояния государства» медики предлагали отказаться от созыва Учредительного собрания и ввести военное положение с помощью контрреволюционной вакцины»²⁵. По мере нарастания напряженности в стране, вопрос о режиме становился принципиальным.

²³ Сайн-Виттенштейн Е. Дневник. 1914–1918 гг. Париж, 1986. С. 94.

²⁴ Бердяев Н. А. Итоги и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 125.

²⁵ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2275.

Интеллигенция была готова приветствовать режим, способный силой прекратить всеобщий распад, разложение фронта, предотвратить сползание к национальной катастрофе и гражданской войне. Не пугала даже перспектива военной диктатуры.

26 августа 1917 года М. А. Волошин писал в письме И. Г. Эренбургу: «Вся Россия перенасыщена влагой безумия и исступления. Российский бедлам нуждается в опытном дирижере и церемониймейстере»²⁶.

В роли «сильной авторитетной личности» рассматривался генерал Л. Г. Корнилов. Вокруг него концентрировались элементы, считавшие, что наступила пора бить в «контрреволюционный набат». В голове бывшего террориста Б. В. Савинкова, назначенного Керенским управляющим военным министерством, родился оригинальный план: создать прочную власть «под красным знаменем Керенского и крепкой рукой Корнилова». В середине июля Л. Г. Корнилова назначили верховным главнокомандующим. Подтверждая свою репутацию человека жестких действий, уже в день принятия командования в телеграмме А. Ф. Керенскому он потребовал санкционировать смертную казнь для дезертиров, причем в таких угрожающих выражениях, что Б. В. Савинков, также поддерживающий суровые меры, был вынужден вмешаться и настоял на изменении текста послания²⁷. «Пророчат Наполеона»²⁸ – писал А. А. Блок. Газета «Речь» прямо указывала, что лишь «суровыми и решительными мерами можно спасти Россию»²⁹. В корниловской ставке разрабатывалась программа. Суть ее была проста: для спасения страны необходимы три армии: «армия в окопах, армия в тылу и армия железнодорожников». Фактически полная милитаризация всего и вся. Смертную казнь предполагалось распространить не только на фронте, но и в тылу.

Поскольку сопротивление этой программе наверняка окажут Советы и, конечно, большевики, с ними придется покончить. В 20-х числах августа через Савинкова было достигнуто соглашение: в момент, когда правительство объявит Петроград на военном положении для проведения «корниловских мер», ставка направит к столице кавалерийские войска. Но в ставке это соглашение было принято по-своему: раз Керенский согласился, значит, он слаб. Значит надо сделать так, чтобы при благоприятных обстоятельствах

---

²⁶ Звезда. 1996. № 2. С. 193.

²⁷ Мартынов Е.И. Корнилов: попытка военного переворота. Л., 1927. С. 25.

²⁸ Блок А. Записная книжка. М., 1965. С. 508.

²⁹ Речь. 1917. 12 августа.

вместе с большевиками и Советами скинуть и Временное правительство. 27 августа 1917 года Корниловым была предпринята попытка переворота с целью установления военной диктатуры. Установлению режима военной диктатуры помешали левые силы, подтвердившие огромную потенцию совместных действий всех социалистических групп. Надо, однако, признать, что все социалистические партии – от большевиков до эсеров и энесов – оказались не на высоте государственных задач, перед которыми поставила их история после корниловщины. Партийные распри пересилили понимание общенациональных интересов. Сохранился этот блок и в дальнейшем, гражданская война, по крайней мере, в том масштабе, в каком она развернулась, стала бы невозможной. Но блок просуществовал всего несколько дней.

В политическом плане мятеж кардинально изменил ситуацию. На нет были сведены все попытки А. Ф. Керенского упрочить правительственную власть, резко расшатанную июльскими событиями. Ушли в отставку министры, поддерживающие Л. Г. Корнилова. Правительство практически оказалось в самоизоляции. Кризис, тем временем, только углублялся. Корниловские генералы, арестованные в Быхове, ждали теперь, когда волна разлившейся анархии захлестнет страну. Они готовились... Но Октябрьское вооруженное восстание, явившееся ударом в слабый блок правительства Керенского и меньшевистско-эсеровского ВЦИК, их опередило. 26 октября 1917 года в стране была провозглашена Советская власть.

Октябрьская революция развивалась как прямое продолжение и завершение февральской демократической революции. Драматизм и своеобразие ситуации состояли в том, что осенью 1917 года страна для своего спасения нуждалась в глубоких действительно революционных, но в то же время общедемократических преобразованиях.

Народные массы могли принять только такое общественное устройство, которое в соответствии с их воззрениями смогло бы им дать абсолютное социальное равенство, в первую очередь, равенство в потреблении. Социалистическая революция отвечала их чаяниям.

Восприятие интеллигенцией происшедших событий было сложным и индивидуальным. Февральская революция таила в себе огромное обаяние для большинства русских интеллигентов, но Октябрьская революция была воспринята ими исключительно как контрреволюция.